

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

Диана Балыко

Почти документальная пьеса

Или,

Правдивые зарисовки с натуры в городе, который есть...

(Хронология невидимой войны)

Что такое «горячая точка»?

Угол преломления.

Эпицентр боли.

Точка кипения.

Точка отсчета.

Взрыв.

Взрыв в отдельно взятой маленькой Вселенной.

А другой у меня просто нет.

И не будет.

И не надо.

Действующие лица:

Автор (персонаж автора женского пола, вводится на усмотрение режиссера)

Женя – журналист, блондинка с грудью четвертого размера, за 20

Миша – ее муж, начинающий лысый очкарик, около 30

Аня – девушка с большими кольцами, чуть больше 20

Бармен – за 40

Марта – худая, за 40

Павел – высокий, около 35

Ольга – за 40

Владимир – за 40

Лариса – эффектная, за 40

Виктория – за 40

Степан Хомяков – за 40

Слава Пронин – за 40

Копытин – за 40

Борис Голубь – за 40

Мать Бориса – за 60

Ремарки:

Драматург расположил истории в соответствии с хронологией собственной картины мира. Однако это не должно помешать режиссеру выложить свой пазл, создать свою карту реальности, выстроить собственную хронологию, отталкиваясь от своего основного события.

INTRODUCTION (от автора).

Город, которого нет...

(настоящее время)

На одном театральном фестивале в Москве у драматургов спрашивали:

-- Для какого театра вы пишете свои пьесы: репертуарного, нового, экспериментального, альтернативного, несуществующего?..

Драматурги отвечали.

Я же пишу свои пьесы для существующего, репертуарного, сегодняшнего театра. Я не драматургический вызов и не драматургический прорыв, я – просто женщина, которой хочется высказаться в диалогах, и боль, которую ничем не унять.

* * *

На этом фестивале в первый же день я сломала шпильку на сапоге, починила каблук за 700 рублей, а вечером в той же самой, что и утром, ямке на Тверской снова оставила шпильку.

-- Так не бывает, - справедливо заметит читатель.

И я покорно соглашусь:

-- Так не бывает.

Но так было. И, ковыляя вечером по Арбату на одной шпильке в арендованную для меня на Смоленке квартиру, я решила:

-- Для меня этот фестиваль не удался.

А ночью, разговаривая со своими героями, вспоминая истории их прошлого, мне стало стыдно за эти дурацкие шпильки, которые мне, как трехлетнему ребенку, могли испортить настроение.

Тогда в Москве была куча нестыковок и хотелось домой.

Я приехала в город, где живу, и у меня начался «культурный шок» просто оттого, что здесь ничего не происходит. Просто от пустоты. Я впала в депрессию. И захотелось обратно в Москву.

Потом я прочла заметки драматурга Югова о том, что после этого фестиваля он осознал, как сильно любит свой город. Прочла и поняла: я хочу в город, которого нет. Я все время в дороге, чтобы приехать в город, которого нет. Я ищу город, которого нет... А пока пишу про город, который есть.

ИСТОРИЯ 1.

У тебя красивые руки!

(за пять лет до основного события, году в 2000 или около того)

Действующие лица:

МИША здесь нервный и гораздо хуже, чем через пять лет

АНЯ

БАРМЕН

Это был обычный драматургический конкурс. Его заключительный этап. Фестивальный. Финалисты, участники шорт-листа, критики, режиссеры, актеры и просто зеваки собрались в Энском городе, на Энской улице в Центре Энского духовного развития.

МИША: А у тебя руки красивые.

АНЯ: Ты это уже говорил.

МИША: Правда?

АНЯ: Правда.

МИША: Знаешь, у меня такая особенность есть...

АНЯ: Знаю-знаю, на твои пальцы все женские кольца подходят. Но только тех девушек, которые тебе нравятся.

МИША озабоченно: И это уже говорил?

АНЯ: Ага.

МИША: Вчера?

АНЯ: Нет, сегодня, минут десять назад...

МИША: Извини.

АНЯ: Да, ничего.

МИША: А поехали сегодня ко мне ночевать. У меня друган – мировой мужик. Он нам рад будет.

АНЯ: Миш, я уже говорила, что не могу. Я замужем.

МИША удивленно: Правда?

АНЯ: Правда. Ты даже мое обручальное кольцо мерил.

МИША: Когда?

АНЯ: Ну, может минут двадцать назад.

МИША: Извини.

АНЯ: Да, ничего.

МИША: А у тебя руки красивые.

АНЯ: Ты уже говорил.

МИША: Правда?

АНЯ: Правда.

МИША: Знаешь, у меня такая особенность есть...

АНЯ: Я знаю, Миша. Это давно у тебя?

МИША озадаченно: Что давно?

АНЯ: Ну, с памятью...

МИША: А ты что-то заметила? Необычное?

АНЯ: Да, нет, ничего... А пьеса твоя мне понравилась. Это было сильно.

МИША: Правда?

АНЯ: Я даже плакала.

МИША: Там, где Петьку повесили?

АНЯ: Нет, там, где наши чеченцам половые органы отрезали...

МИША: А-а-а...

АНЯ: И уши.

МИША: Ты впечатлительная.

АНЯ: А ты, правда, там был?

МИША: Два года, по контракту.

АНЯ: Зачем?

МИША: Ну, не Родину же защищать. Квартиру надо было купить.

Нормально платят. По ценам нашего города за восемь месяцев на хату собирал.

АНЯ: А потом?

МИША: А потом – суп с котом. В начале на однокомнатную собирал. А потом моей девчонке Марине двушку захотелось. А потом она за другого вышла. Не дождалась. Москвич приехал порыбачить к нам. Угорь до сих пор водится. И увез. А у него там чики-пики: бизнес, тачка, все дела.

АНЯ: Это же так страшно...

МИША: Когда девчонка бросает?

АНЯ: Нет... Чечня.

МИША: Да после того, как мы на срочной окурк хоронили в могиле пять на пять... метров! Или в слоников играли... В противогазах, с горы на гору, туда-сюда, три часа, бегом марш... Или сутки по сорокаградусному морозу ходили в сапогах, куда деды нассали. Или слонятину из нас выгоняли палками по ребрам... Или...

АНЯ: Перестань!

МИША: Так мне Чечня раем показалась. Там хоть дурных приказов не было. Все по делу.

АНЯ: И уши?

МИША: И уши по делу. И хуи. Мы с мужиками целый армейский альбом нафоткали таких приколов. Чеченской кровью расписали. У каждого свой был. Суки! Все конфисковали. Ничего домой не привез. Только два огнестрельных ранения навывлет и контузию.

АНЯ: А я филфак закончила.

МИША: Правда?

АНЯ: Ага.

МИША: И давно?

АНЯ: В прошлом году.

МИША: А я вот ничего не закончил. На прикладной математике отучился три курса и бросил. В армию загремел, а потом в Чечню поехал.

АНЯ: Ну, это ничего. Все еще впереди. Восстановиться можно. Твою пьесу вон ставят. А мою пока нет.

МИША: Глупости все это... пьесы. Пойдем лучше коньяку в баре выпьем!

АНЯ: А я не пью.

МИША: Болееешь что ли?

АНЯ: Нет, почему же. Я просто крепких напитков не пью.

МИША: Ну, давай, кофе тогда... или шампанское.

АНЯ: Давай.

Аня и Миша идут в бар.

МИША бармену: Старик, нам, пожалуйста, бутылку шампанского и два кофе.

АНЯ: Мне капучино.

МИША: Девушке капучино, пожалуйста.

БАРМЕН, виртуозно откупоривая бутылку: Одну минуту.

За барной стойкой появляются два бокала... Вскоре две чашки кофе. Вернее, одна маленькая фарфоровая – эспрессо, вторая большая стеклянная – капучино.

МИША: Знаешь, у меня такая особенность есть... На мои пальцы все женские кольца подходят. Но только тех девушек, которые мне нравятся. Давай, твой примерю.

АНЯ вздыхает: Ну, давай...

МИША снимает с Аниных пальчиков колечки, их целых пять, все золотые, с крупными камнями. МИША надевает кольца на свои пальцы: Ух, ты, подходят! Видимо, ты мне нравишься...

АНЯ потихоньку стаскивает кольца с Мишкиных пальцев: Я замужем...

МИША: По-моему, ты мне об этом уже говорила.

БАРМЕН: Извините, что вмешиваюсь...

МИША, раздражаясь: Ну?

БАРМЕН: Я слушал вашу пьесу.

МИША, оживляясь: И как?

БАРМЕН: Это, конечно, мое скромное мнение, но, по-моему, вы слишком далеки от реальности. Все какое-то надуманное. НЕ-РЕ-АЛЬНОЕ.

МИША, внутренне напрягаясь: И какова же реальность по вашему скромному мнению?

БАРМЕН: Вот, не будем далеко ходить...

МИША: Далеко это куда?

БАРМЕН: Ну, в Чечню точно не поедем.

МИША: А почему?

БАРМЕН, заводясь: Да потому что я уверен, что ты даже в армии не был, срочную не служил. Какая уж там Чечня!

АНЯ: Да, как вы смеете!

МИША: Не-ет, братишка, срочную я не служил. Я в Чечне отсиделся. На срочной-то оно знаешь, как страшно.

БАРМЕН: Не служил ты срочную... и в Чечне не был, я-то вижу. Дурацкая пьеса. Нелепый ужастик для школьников. И зачем ее в театре только ставить будут?

МИША бледнеет: А ты, видимо, не просто военный. Ты, видимо, еще и театральный критик. Военный театральный критик!

АНЯ: Миша, я прошу тебя, уйдем, он просто какой-то дурак.

БАРМЕН: Нет, вы послушайте!
МИША: А я контуженный, что мне слушать-то?
АНЯ - бармену: Успокойтесь! Или я сейчас в книгу жалоб напишу.
БАРМЕН: Ха-ха, насмешили.
МИША: Ну, давай выйдем.
БАРМЕН: Как мужики.
МИША: Поговорим.
АНЯ: Мальчики, я вас прошу!
БАРМЕН выходит из-за барной стойки. Мужики, бычась, идут друг на друга.
АНЯ: Миша, перестань! Я поеду ночевать к твоему другу!
Мужики пыхтят, сцепившись.
АНЯ: Нет, уже не поеду. Я уйду. Я вызову милицию.
МИША бьет бармена в глаз: Мудак!
БАРМЕН бьет в ответ: Урод!
Аня втискивается между мужиками, обнимает Мишку и тащит его в угол.
АНЯ: Ну, что ты ведешь себя, как мальчишка. У тебя глаз заплыл. Давай я промочу его влажной салфеткой.
МИША улыбаясь: А у тебя руки красивые.
АНЯ: Ты уже говорил.
МИША: Знаешь, у меня такая особенность есть... На мои пальцы все женские кольца подходят. Но только тех девушек, которые мне нравятся. Давай, твои примерю.
АНЯ вздыхает: Ну, давай...
МИША надевает кольца на свои пальцы: Ух, ты, подходят! Видимо, ты мне нравишься...
АНЯ вздыхает: Ага...
МИША поднимается: Извини, я сейчас.
АНЯ: Ты куда?
МИША: Мне нужно в туалет.
АНЯ: Кольца сними.
МИША, уходя: Я скоро вернусь, дорогая.
АНЯ: Миша, ты куда? Это же выход! Туалет в другую сторону.
МИША: Я знаю. Увидимся, малыш. У тебя красивые руки!
(Затемнение)

ИСТОРИЯ 2.

Массаж сердечной мышцы

(через полгода. Может, в 2001?)

Действующие лица:

МАРТА

ПАВЕЛ

Зима. Метель. Замерзшая, почти обледеневшая Марта стоит у восьмого подъезда многоквартирного панельного дома. Она смешно подпрыгивает, чтобы дотянуться до зарешетчатого окна на первом этаже.

Дотягивается, одной рукой в кожаной перчатке хватается за решетку, повисает на ней, второй настойчиво стучит в заиндевевший секторок темного окна. Окно открывается, из окна вылезает рука с ключом...

ПАВЕЛ: Марта, ты?

МАРТА: Я, блин...

ПАВЕЛ: Ключ лови, заходи...

Марта хватается за ключ, спрыгивает на землю, стягивает перчатки, дует в замерзшие ладошки, отогревает дыханием замерзший подъездный замок, открывает дверь ключом, чертыхаясь...

Марта открывает квартиру на первом этаже. Входит в прихожую, включает свет, морщится, медленно раздевается – снимает пальто, шляпу, сапоги. Нашаривает ногой тапочки, натягивает их, проходит в комнату.

ПАВЕЛ: Ты заходи, свет включи, я тут чай тебе готовлю. Замерзла небось?

МАРТА, щелкая выключателем: Хуже.

ПАВЕЛ: Перед массажем нужно согреться.

МАРТА: Не поможет.

ПАВЕЛ: Что случилось? Выключатель на правой стене.

Марта входит в комнату. Спिनной к ней на табуретке сидит ПАВЕЛ. Он курит у окна. В комнате темно. Марта включает свет. Обстановка бедна. Массажный стол, несколько книжных полок, диван, два кресла, журнальный столик...

МАРТА: Я сегодня чуть не убила электрошокером десятилетнего ребенка.

ПАВЕЛ, не оборачиваясь, флегматично: Случайно?

МАРТА: Еще как специально.

ПАВЕЛ: Рассказывай.

МАРТА: Вот, скажи, ты же хороший педагог, разве можно использовать силовые методы в воспитании детей, а?

ПАВЕЛ: Ты же сама педагог.

МАРТА: До сегодняшнего дня я была против.

ПАВЕЛ: Тебя били в детстве?

МАРТА: Однажды. Мне было пять лет. Отец за какую-то шалость ударил меня по ноге. Мама схватила меня и посадила к себе на колени. Я с ужасом смотрела на свою ногу, на которой, как фотография, постепенно проявлялась красная пятерня моего отца.

ПАВЕЛ, затягиваясь, все еще сидя спиной к Марте: А мама?

МАРТА: А мама заплакала, сказала отцу: выноси и роди, а потом бей своего ребенка. Я запомнила это. И дочку свою – Аню – ни разу пальцем не тронула. А ведь ей уже двадцать два. Филфак с горем пополам закончила. За придурка одного замуж вышла. Режиссера Пронина. Неудачник хренов. Думаешь, не за что было ударить? А я НИ РАЗУ...

ПАВЕЛ: А меня били. Одноклассники.

МАРТА: Знаешь, раньше нервы были для меня просто абстрактными словами. Ну, типа, я нервничаю... Что-то такое в голове происходит. Непонятное. А последнее время – это физическая боль. Пронзает так, что-то щелкает у позвоночника, замыкает, завязывает на узелок и болезненной такой стрелой пробивает руки, ноги, голову.

ПАВЕЛ: Ты пей чай. И пойдем массироваться.

МАРТА: Как мне надоела твоя гребанная Покровка!

Марта встает и начинает раздеваться буднично и просто. Она стягивает с себя свитер и остается в юбке, колготках и лифчике. Марта кладет свитер на кресло. Скорее, небрежно бросает.

ПАВЕЛ: Так за что ты решила его убить?

МАРТА: Короче, я влезла в этот 32-й. Почти последняя. Ну, все же с работы прутся.

ПАВЕЛ: Да, к нам плохо транспорт ходит.

МАРТА: Висим на подножке втроем – я, еще одна тетка и мент.

ПАВЕЛ: У нас много ментов живет.

Марта садиться на кресло, приподнимает юбку и снимает колготки, бросает их на свитер.

МАРТА: Ну, короче, вишу я на подножке, а надо мной возвышаются утрамбованные головы. И среди них мальчишка лет десяти. Стоит девочку покалачивает. Исподтишка так. Она на него шикает. Он ее толкает. Ну, думаю, любовь у детей.

ПАВЕЛ: А как им ее еще проявлять в таком возрасте?

МАРТА: Но девочка пацаненку вскоре надоела, и он стал своими маленькими кулачками, как барабанными палочками, стучать по тулье моей шляпы. Я из-под широких полей хлопаю удивленно ресницами и вспоминаю, что с детьми нельзя употреблять частицу «не».

ПАВЕЛ: Да-да. Нельзя говорить «не делай», «не кричи», «не забудь».

Психика не воспринимает частицу «не», и ребенок программируется только на действие.

Марта снимает юбку. Вешает ее на спинку кресла.

МАРТА: Поэтому я и говорю ему «перестань, пожалуйста». А он улыбается и исподтишка выщипывает из моего песцового воротника ворсинки меха.

ПАВЕЛ: Народ безмолвствует?

Марта остается в одном белье. Оно простое. Телесного цвета. Никаких рюшек, кружева, вышивки. Спортивное, телесное белье.

МАРТА: Безмолвствует народ. Народу хоть бы хны. Вселенское такое спокойствие русской души. Автобус петляет, подскакивает на кочках, взбираясь в гору... И тишина...

Я ребенку говорю: успокойся, а он дергает мою шляпу за поля и натягивает мне ее на лицо. Я поправляю шляпу и натягиваю ему на лицо его ушанку из овчины, он смеется и дергает меня за нос, я – его. Народ даже не улыбается. Народу хочется домой жрать. Мне надоело. Мальчик, я сейчас достану электрошокер и быстро тебя успокою. Пугаю. Доставать ничего не хочу. У меня разрешения на него нет. А рядом милиционер. И еще человек сто

свидетелей. Мальчик улыбается. Пизди-пизди, ничего у тебя нет. На «ты», представляешь ко мне на «ты»! И руки сразу плетями повисли, больно, блин, не поднять.

Марта снимет лифчик. Она не прикрывает грудь. Она не смущается. Как будто в комнате и нет мужчины.

ПАВЕЛ: Вот они нервы.

МАРТА: На пятом десятке расшалились.

ПАВЕЛ: Сегодня я добавлю мятного масла. Тебе надо успокоиться. Пару капель.

МАРТА: Я губу нижнюю закусил и лезу в сумку. Наплевать. Убить, если хватит сил. И сесть. И даже не обидно. Достāju шокер. Мальчик улыбается. Ну-ну, говорит, давай. А ведь и вправду на складной зонтик похож. Дамская модель. Мальвина. Я подношу шокер ребенку к лицу, перед самым носом, буквально в сантиметре снимаю с блокиратора и жму на кнопку. Дж-жжжж и между двух усиков пробегает синяя дуга. Как в фантастическом фильме про инопланетных завоевателей. А автобус трясет на кочках, я стою на своей подножке неустойчиво и жду, когда неловкое движение водителя потряхнет эту бочку так, что работающий шокер уткнется в эту гладкую детскую морду. И вдруг слезы, и срывающийся крик пацана: тетенька, не надо, пожалуйста, я больше так не буду. Что не будешь? К вам лезть не буду. Нет, гаденыш, ты вообще научись себя хорошо вести. Я вообще себя научусь хорошо вести. И слезы. И захлебывается. И не шелохнется уставшая на работе толпа, едущая домой, в деревню, к горячей картошке, водке и спать. Я убиваю ребенка, а всем плевать. И только молоденький мент опасно поглядывает на меня, не решаясь ничего спросить. Он-то знает, что заряда мне может хватить на всю эту гребаную маршрутку.

Я убираю шокер, и все-таки продолжаю оставаться педагогом. Я говорю: запомни, на всякую силу найдется еще большая сила. Мальчик сопит. Через две минуты пришедший в себя пацан уважительно спрашивает: а где вы его достали? В милиции! Там, где я работаю. Ребенок молчит. Минут через десять начинает щипать стоящую за мной женщину. Та возмущается: мальчик, ты дурак или как? Я тихонько спрашиваю: ты хочешь в детскую комнату милиции? Отрицательно мотает головой. Знаешь, ты никогда не окажешься в детской комнате милиции, потому что сейчас в этом автобусе я парализую тебе руки электрошокером, и ты больше никогда не будешь никого доставать, ты мне веришь? Тихо кивает: верю. Еще через пять минут схлынула основная толпа, и оставшиеся пассажиры расселись. Когда я выходила, пацан дважды дернул меня за шубу и прошептал: до свидания, тетенька.

И только в этот момент я вдруг отчетливо увидела его вечно пьяную мать и ее бухих сожителей, и этого затравленного ребенка, признающего и понимающего только авторитет силы. И вот я в очередной раз провела с ним этот хорошо заученный и давно знакомый урок. Ты меня слышишь?

ПАВЕЛ: Я слушаю, слушаю. Ты последний клиент на сегодня. Можешь выговориться.

МАРТА: Ты всегда такой спокойный?

ПАВЕЛ: Всегда.

МАРТА: А как же ты такой спокойный в голову себе стрелялся?

(пауза)

ПАВЕЛ *начинает смеяться, оборачивается, его лицо ото лба до губ закрыто темной повязкой, трудно представить, что скрывает под собой эта повязка, но легко заметить, что носа у Павла нет:* Да-а, стрелялся в голову... Я никогда так не формулировал. Ну, да, это именно так и было. А все потому, что когда-то я не был таким спокойным. Да не переживай ты так. Электрошокер – самый мощный педагогический инструмент. Макаренко отдыхает.

МАРТА: Но я изменила себе. Я не использую силу в педагогических целях. Понимаешь?

ПАВЕЛ: Врешь, если носишь шокер – используешь.

МАРТА: Это для обороны.

ПАВЕЛ: Дети иногда страшнее взрослых. Воспитательные меры должны быть адекватными. Шокер был к месту. Еще можно было высадить ребенка из автобуса посреди дороги...

МАРТА: Да пошел ты, педагог хренов!

ПАВЕЛ молчит.

МАРТА: Я тебя обидела?

ПАВЕЛ: Глупости. Ну, как меня может обидеть привлекательная женщина, которая сидит у меня дома, исповедуется и пьет чай?

МАРТА: А почему ты решил, что я привлекательная? Ты же меня никогда не видел. Может, я страшная, как сто индейцев?

ПАВЕЛ: Милая моя, после того, как поищешь смысл жизни, начинаешь понимать, что привлекательно не то, о чем другие говорят «привлекательно», а то, что тебя привлекает. Вот ты сидишь и меня привлекаешь. А значит, ты привлекательна в моей картине мира. А другой у меня нет.

МАРТА: Зачем ты это сделал?

ПАВЕЛ: Что?

МАРТА: Ну... ты же понимаешь... По молодости?

ПАВЕЛ: По глупости... ты хотела сказать. Да нет... Просто во мне никогда не было либидо. Не этого тупого стремления трахаться... Оно-то как раз и было. А глобального либидо – посадить дерево, построить дом, родить ребенка... Я не стремился к славе, успеху, деньгам. Я никому ничего не хотел доказывать. Я не был завоевателем.

МАРТА: То есть ты не был мужчиной в философском общепринятом смысле?

ПАВЕЛ: Можно и так сказать. Я не был успешным самцом. Моя экспансия не распространялась на ценности этой планеты.

МАРТА: А как это все?... Ну, ты понимаешь...

ПАВЕЛ *встает, идет на голос Марты, вытянув вперед руки, натывает на нее, становится за спиной Марты, начинает разминать ей плечи:*

Расслабься... Ты действительно хочешь это знать?

Марта ложится на массажный стол.

МАРТА: Хочу...

Павел начинает массировать ее спину.

ПАВЕЛ: Поиски смысла жизни, НГУ, истфак, отсрочка от армии на время учебы, поиски смысла жизни, канапе, план, нарезать рефераты, сделать бурбулятор, фитолечение, короче никаких тяжелых наркотиков. Историю никогда не любил – преподавать нравилось. Распределился в сельскую школу, деревня Небезино, Саратовской области, снова отсрочка от армии. Прогулки по лесу, поиски смысла жизни. И озарение – жизнь бессмысленна. В начале резал вены. Я снимал домик в деревне. Ну, и какая там ванна сама понимаешь. Никакой. Ее просто не было. Но была эмалированная раковина и струйка теплой воды. Вот под этой струйкой я, как дурак, и стоял. Целую вечность. Трезвый. Абсолютно. Неделю перед этим не пил и не выкурил ни одной. Осознанное решение, твердое. На одной руке «I love you». Видишь шрамы? Лезвием. Красивенько. А вторую охотничьим ножом рвал. Больно. И стою потом под тоненькой струйкой. Бесконечно долго. Голова кружится, а конца не видать. Плюнул. Закрыл кран. Залил весь пол кровью. Решил повеситься. Люстру снял, присобачил веревку на крюк, табуретку принес. Слишком низкий потолок оказался в деревенском доме. И крюк из потолка вывалился. Взял димедрола пачку и бутылку водки. Разжевал. Запил. И ясность такая в голове появилась, что не умереть. И время вязкое, как желе. Суббота. Зарядил свое охотничье. И выстрелил. Но не в рот почему-то, а в висок. Закосячил. Глаза вот вынес и нос. Упал лицом вниз. Так бы и умер от потери крови. Да шестиклассники, что забыли мне рефераты в пятницу сдать, решили принести, понедельник не дождался. Пришли домой. Ну, а потом соседи скорую вызывали.

МАРТА: Ужас, какая травма детям!

ПАВЕЛ: Я об этом никогда не думал в таком ракурсе. Жизнь вообще травма. Бессмысленная травма. Я пока в Саратове лежал, в реанимации, потом на пластике только злость чувствовал, хотел начатое завершить. Меня штопают, перевязывают, а я капельницы выдираю и к окну – выброситься. Доктор смеялся: давай, давай! С первого этажа выброситься каждый горазд, собери всю грязь под окном, давай Павел! Я только через три месяца узнал, что лежал на седьмом.

МАРТА: А почему ты решил жить?

ПАВЕЛ: Ну, меня все к психотерапевтам водили, и они ко мне приходили со своими реабилитационными штучками. А мне не вставляло. Ну, никак. Всех посылал. И мамкины слезы не вставляли. Она сидела, плакала и говорила: слабый, слабый...

МАРТА: Паш, по-моему, ты очень сильный...

ПАВЕЛ: Мне так однажды медсестра сказала. Та, что делала мне перевязки каждый день. Молоденькая девочка, сразу после медучилища. Я лежал рядом с ординаторской в отдельной палате. Дверь никогда не запиралась, чтобы врач в любое время мог зайти. Я же буйный был. А она на своем дежурстве пришла ночью, склонилась над моим животом, поцеловала его и занялась со

мною любовью в позе наездницы. Это была лучшая реабилитация. Уж и не знаю, зачем она это сделала. Но сделала ведь... Понимала или просто...

МАРТА: ...блядью была. А как ее звали-то?

ПАВЕЛ: Анжелика.

МАРТА: Маркиза ангелов.

ПАВЕЛ: Мама пошила мне повязку, когда стало понятно, что с пластикой хана. Ткани не приживаются. Даже нос не смогли сформировать, чтобы я темные очки носил, как другие слепые.

МАРТА: Это когда было?

ПАВЕЛ: Двенадцать лет назад.

МАРТА: Как долго...

ПАВЕЛ: Долго. Я за это время несколько жизней прожил. И умер, и воскрес, и медучилище закончил...

МАРТА: Мда...

ПАВЕЛ кокетливо: А ведь я был хорошеньким. Хочешь, альбом покажу?

МАРТА: Неси.

ПАВЕЛ, *вытянув руки вперед, выходит из комнаты. Марта садится на массажном столе, закуривает. Павел возвращается, он несет альбом, протягивает его куда-то в воздух*: Вот.

МАРТА *тушит сигарету, берет альбом, листает*: С ума сойти. Да ты и вправду...

ПАВЕЛ *улыбается*: Красивый был?

МАРТА: Не то слово! Я бы за такие глазищи душу Дьяволу отдала!

ПАВЕЛ смеется: Ну, и я почти...

МАРТА: А сейчас что бы отдал, чтобы вернуть зрение и красоту?

ПАВЕЛ: Ничего.

МАРТА: Как это? В смысле?

ПАВЕЛ: По-дурацки прозвучит, наверное, но в какой-то момент я понял, что если Бог так настойчиво не позволяет мне уйти, значит, я еще должен быть здесь, чтобы что-то понять...

МАРТА: Ты понял?

ПАВЕЛ: Пока нет. Когда пойму - уйду. Вернее, мне разрешат. Вернее, меня заберут.

МАРТА: И что больше не пытался? Уйти?..

ПАВЕЛ: Больше нет.

МАРТА: Не верю.

ПАВЕЛ: Имеешь право.

МАРТА: Ну, что, что тебя здесь держит?

ПАВЕЛ: Вера. Каждое утро я молюсь за своих пациентов, за то, чтобы все у них было хорошо, и чтобы приняли они волю божью.

МАРТА: Ты дурак?

ПАВЕЛ: Ага.

МАРТА: И за меня молишься?

ПАВЕЛ: И за тебя.

МАРТА: А я не верю. Ни в кого, кроме себя.

ПАВЕЛ: Я знаю.

МАРТА: Мне надоело, что ты все знаешь.

ПАВЕЛ: Ну, не все.

МАРТА: Лучше скажи, откуда берется вера?

ПАВЕЛ: Этого я не знаю. Может, от любви, от боли, от безысходности и невероятного желания впервые и навсегда перебороть свои страхи.

МАРТА: Ерунда, я тоже не боюсь смерти. У меня два отека квинке было почти с летальным исходом. И я тогда думала только о том, какой некрасивой я буду лежать в гробу. Ужасно. И любила я, по-настоящему. Но не верю.

ПАВЕЛ: Вера - это не панацея. Это просто мой рецепт.

МАРТА: Ты когда один дома тоже в повязке ходишь?

ПАВЕЛ: Зачем же?

МАРТА: А сейчас почему?

ПАВЕЛ: Тебя оберегаю, да и себя тоже. Мы будем сегодня массаж заканчивать?

МАРТА снова ложится на массажный стол. Жаль, что ПАВЕЛ не видит, как она красива. Но он может это почувствовать пальцами...

ПАВЕЛ: Правда, когда я лежал в Саратове, ко мне приехала бывшая однокурсница. Моя первая женщина. Навестить. Когда приходили посетители, мама всегда завязывала мне эту повязку. А она подошла близко-близко, обняла меня и сняла повязку: ты все такой же. Это был такой сумасшедший акт доверия, что мне захотелось плакать.

МАРТА *шепотом*: Ты можешь плакать?

ПАВЕЛ: Почти нет. Там остались какие-то недобитые слезные железы. Но это очень больно. Я пробовал пару раз. Больно до судорог. Больше не хочу. *Обнаженная Марта прыгивает с массажного стола, подходит в Павлу близко-близко, обнимает его, начинает раздевать... Она снимает с него рубашку, брюки... У Павла очень красивый торс, длинные ноги... Марта снимает повязку. Павел стоит спиной к зрителям. Его лица не видно. Не видно и лица Марты, но слышно, как стучит ее сердце. Глаза Марты лихорадочно ощупывают объекты – пол, массажный стол, лицо Павла, пол, массажный стол, лицо Павла... Привычный объект, лицо, привычный объект, лицо... Марта старается вписать лицо Павла в знакомую ей картину реальности...*

ПАВЕЛ: Мама говорит, что это не очень страшно.

МАРТА *изменившимся, охрипшим голосом*: Господи, какой же ты урод... *Марта начинает собирать свои вещи, одевается.*

ПАВЕЛ: Ты замерзла?..

(Затемнение)

ИСТОРИЯ 3.

За торжество авторского права!

(Вероятно, 2003. Или годом позже)

Действующие лица:

ВЛАДИМИР

ОЛЬГА

Кожаный диванчик, журнальный столик, две чашки кофе, два бокала с коньяком.

ОЛЬГА чуть подается вперед и касается подушечками пальцев его руки.

ОЛЬГА шепотом: Надеюсь, ты не подашь на меня в суд за сексуальные домогательства?

Пальцы сплетаются. Взгляды встречаются.

ВЛАДИМИР: Еще как подам.

ОЛЬГА: И все-таки я готова рискнуть...

Большим пальцем ОЛЬГА проводит по его губам.

Его рот слегка приоткрывается и втягивает в себя ее палец.

ОЛЬГА: Тебя расслабляет коньяк?

Взгляд ее становится туманным.

ВЛАДИМИР: Тебя, как вижу, тоже... Хотя я думал, что женщины предпочитают «Амаретто».

ОЛЬГА: Какой сладкий кошмар. Я подам на тебя в суд за подрыв деловой репутации...

ОЛЬГА чуть придвигается и касается губами его губ.

ВЛАДИМИР приобнимает ее за талию, перехватывая инициативу: А я подам на тебя в суд за нарушения моего авторского права на поцелуй.

ОЛЬГА, игриво отстраняясь: Я делаю это с тринадцати лет. Но не знала, что авторство принадлежит тебе.

ВЛАДИМИР, покрывая поцелуями ее ладонь: Авторство... А также право на тиражирование и распространение.

ОЛЬГА, мурлыча и подвигаясь все ближе: Распространение на какой территории?

ВЛАДИМИР шепотом, прикасаясь к ее груди через скользящий шелк блузки: Любой...

ОЛЬГА задумчиво, запуская пальцы в его кудрявую шевелюру: Господи, сколько же прав я нарушила.

ВЛАДИМИР: А какую я потребую компенсацию за это...

Его руки уже расстегивают верхние пуговицы ее блузки.

ОЛЬГА, нащупывая пряжку на его ремне: Получишь не больше, чем полагается по закону.

ВЛАДИМИР, впиваясь в ее губы: От десяти до пятидесяти тысяч базовых величин.

ОЛЬГА шепотом, освобождаясь от блузки: Можно, я расплачусь натурой?

ВЛАДИМИР: Если судебный исполнитель не против...

ОЛЬГА: Он не против. Я чувствую его желание удовлетворить твой иск...

ОЛЬГА заканчивает возиться с ремнем, и наружу вырывается возбужденный «судебный исполнитель».

ВЛАДИМИР целует ее глубоко и страстно.

ОЛЬГА: Кажется...

ВЛАДИМИР снова целует ее.

ОЛЬГА: Кажется, я хочу заплатить тебе авторское вознаграждение...

ВЛАДИМИР: За что?

ВЛАДИМИР нетерпеливо ищет застежку бюстгальтера на ее спине.

ОЛЬГА: За поцелуи...

ОЛЬГА щелкает застежкой спереди...

ВЛАДИМИР, втягивая в себя ее нижнюю губу: За поцелуи только компенсация через судебного исполнителя.

ОЛЬГА приподнимается, чтобы позволить ему снять с нее юбку: Почему?

ВЛАДИМИР: Ты целовалась с тринадцати лет, нарушая мои авторские права.

ОЛЬГА молча расстегивает пуговицы его рубашки.

ВЛАДИМИР, стягивая с нее стринги: Вознаграждение будет сразу после компенсации.

ОЛЬГА, игриво отстраняясь: Только без принуждения! На добровольное исполнение ты должен дать мне... ммм... неделю.

ВЛАДИМИР, резко укладывая ее на спину: Мы улучшили законодательную базу. Судебный исполнитель...

ОЛЬГА: А-а-а...

ВЛАДИМИР: Да...

ОЛЬГА: А-а-а-а...

ВЛАДИМИР: Да...

ОЛЬГА: И-и-и?

ВЛАДИМИР: По-моему...

ОЛЬГА: А-а-а-а...

ВЛАДИМИР: Да...

ОЛЬГА, учащенно дыша: Что же судебный исполнитель?

ВЛАДИМИР в рванном ритме дыхания: Похоже, он находится в процессе удовлетворения иска. А-а-а...

ОЛЬГА: А!

ВЛАДИМИР: ААА!

ОЛЬГА: А-а-а-а-а-а...

ВЛАДИМИР: О, Боже...

ОЛЬГА, целуя его: Господи...

ВЛАДИМИР игриво недоволен: Ну, вот, ты опять нарушаешь мое авторское право на поцелуй.

ОЛЬГА снова целует его: Я сейчас заплачу вознаграждение.

ВЛАДИМИР целует в ответ: Поцелуем?

ОЛЬГА: Конечно.

ОЛЬГА покрывает поцелуями его лицо.

ВЛАДИМИР: Нет, это просто невозможно. Кажется, ты снова заставляешь меня подать в суд...

(Затемнение)

ИСТОРИЯ 4.

Еврейский вопрос

(Тот же неточный год)

Действующие лица:

ЖЕНЯ

МИША

МАТЬ

Место действия – гостиная. Во время действия в фоновом режиме все время звучит песня «Мечты сбываются и не сбываются».

ЖЕНЯ работает за компьютером: Миш, а, Миш, как пишется «ксенофобия»?

МИША читает газету: Тебе зачем?

ЖЕНЯ: Готовлюсь к завтрашнему ток-шоу.

МИША: Так тебе же там говорить, а не писать.

ЖЕНЯ: Ми, не зли меня. Я ищу в Яндексе инфу про ксенофобию, но не знаю, как правильно написать.

МИША: А-а. Пиши. КСЕ-НО-ФО...

ЖЕНЯ: Ну, про фобию можешь не продолжать, я и без тебя знаю, что она через «о».

МИША: А что это ты такую серьезную тему решила поднять?

ЖЕНЯ: А что я дура? Или мне про одни накладные ресницы рассуждать на экране?

МИША: Да нет, просто, по-моему, это не ваш формат.

ЖЕНЯ: О формате пусть продюсер печется, а ты про С++ думай.

МИША: А я и думаю.

ЖЕНЯ: Ну, не дуйся.

МИША: А я и не дуюсь.

ЖЕНЯ: Миш, вот послушай. Евреев не любят антисемиты, а кто их любит?

МИША: А никто!

ЖЕНЯ: Нет, ну, мне правда оч надо.

МИША: Да, я тебе правду и говорю.

ЖЕНЯ: Ну, мне для программы.

МИША: Ну, для программы тогда – сионисты.

ЖЕНЯ: Пасибки, сладкий.

МИША: Нема за що. Свои люди – сочтемся.

ЖЕНЯ: А как пишется это «сионисты»?

МИША: Ну, так и пишется СИ-О-НИСТЫ.

ЖЕНЯ быстро набирает в Яндексе под диктовку Миши, запускает поиск, встает от компьютера, подходит к мужу, обнимает, целует в лысину: Ну, вот,

что бы я без тебя делала? Ты мой Ворд дорогой! Мой Ожегов! Вот вроде и программист, а в русском языке лучше меня разбираешься. Ты мой выносной мозг! Меня бы без тебя давно с канала поперли...

МИША: Да брось ты. Ну, кто бы выгнал такую красавицу?

ЖЕНЯ гордо: На том и держимся!

МИША целует жену.

ЖЕНЯ озабоченно: Знаешь, а вчера главный сказал, что блондинок с четвертым размером в городе пруд-пруди, а вот адекватную брюнетку найти – проблема. Думаешь, он на увольнение намекал?

МИША: Пугает, обычная история. Без тебя на канале рейтинг в миг упадет. И потом не такой уж крутой канал. Тебе давно пора с кабельного на первый переходить.

ЖЕНЯ вздыхает: Вот и я об этом думаю.

(пауза)

МИША: К тому же без этого дурацкого канала ты не пропадешь. Будешь для гляцевых журналов писать. Или просто стихи, чтобы дети гордились своей мамочкой!

ЖЕНЯ: А давай летом съездим в Израиль, в отпуск. Там, говорят, четырнадцать климатических зон. Представляешь?

МИША: И Мертвое море.

ЖЕНЯ: Точно. И пирамиды...

МИША: Нет, пирамиды в Египте.

ЖЕНЯ: Точно. Этот топографический кретинизм меня доконает. Хорошо хоть в эфире такую глупость не лягнула.

МИША: Ага. Ты смотри не скажи завтра, что ненавидишь только две вещи - расизм и негров.

ЖЕНЯ: Не скажу. Я про жидов буду.

МИША: А че ты про евреев решила передачу замутить?

ЖЕНЯ: У меня горе. Я вчера такое узнала!

МИША: Ну?

ЖЕНЯ: Оказывается все мои любимые писательницы - жидовки! И Дина Рубина и Улицкая.

МИША смеется: А ты не знала?

ЖЕНЯ: А я не знала. Представляешь!

МИША: А Мандельштам с Веллером тебя не пугают?

ЖЕНЯ: Нет, они не пугают. А в Рубиной и Улицкой я разочаровалась. Не буду их больше читать! Знаешь, в ЖЖ один мой знакомый юзер Вайншток недавно написал: я на этот спектакль не ходил и не пойду, потому что драматург русский и режиссер тоже русский, к тому же – обе бабы. А что, мол, русские бабы могут хорошего создать в русской литературе? Это же, мол, одно позорище типа Дарьи Донцовой. Мол, русскую литературу всегда одни только евреи и двигали. Я ему так деловито заметила: а как же насчет Рубиной с Улицкой? И тут такой смех поднялся, все жида вылазили, хавенагильные морды подоставали и как давай меня просвещать. Пришлось даже свой пост удалить. Вот!

МИША: И что ты теперь по этому поводу в своем ток-шоу скажешь?

ЖЕНЯ вдохновенно: Скажу, что все люди равны вне зависимости от цвета кожи, языка, на котором они говорят, религии, которую они исповедуют. Все люди рождены свободными и равными в своем достоинстве и правах. Поскольку мы наделены разумом и совестью, то должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Ксенофобия, неприятие другого, отторжение «инакости» - лишь проявление незрелости общества. Нет плохих народов, есть плохие и хорошие люди. Каждый достоин счастья.

МИША восхищенно: Класс!

ЖЕНЯ: А Рубину с Улицкой я все равно больше никогда читать не буду! Жидовки поганые!

МИША: Ну, и пусть себе еврейки. Тебе-то чего переживать?

ЖЕНЯ: Есть чего!

МИША: Не знал, что ты антисемитка.

ЖЕНЯ: Я антисемитка только наполовину. А наполовину – сионистка!

МИША: Это как?

ЖЕНЯ: А так, что еврейских мальчиков я еще с детства любила. Ну, прямо-таки очень. Они такие воспитанные, образованные, из хороших семей...

МИША: Прямо как собаки с родословной.

ЖЕНЯ: Точно! Именно за такую собаку я и хотела выйти замуж. А еврейские тетки мне всегда все портили!

МИША с интересом: Да-а? И, например?

ЖЕНЯ: Впервые я серьезно втюрилась в одноклассника Сашку Карцера. Страшный, хлипкий, но умнющий. И на скрипочке играл и три языка учил. Короче – не парень, а мечта идиотки. Этот Карцер – Бухенвальдский набат – даже умудрился, потрясая своими костями, лишить меня девственности в девятом классе. А через месяц после этого грандиозного события его милая мамочка перевела его в математический лицей, где он мило задружил с подходящей девочкой Леной Циферблат.

МИША, похлопывая себя по животу: По-моему, ты драматизируешь! Ну, зачем тебе этот тощий Карцер, когда у тебя теперь есть такой красавчик с подушкой безопасности?

ЖЕНЯ: Но это не все! После первого курса журфака я умудрилась попасть в обменную студенческую программу и на полгода укатила в Америку. Там меня настигла еще одна большая любовь. Это был сын русских эмигрантов - Лазарь Ватман. Рыжий, курчавый, длиннопалый начинающий художник. Он целовал мои пятки и делал наброски кистей моих рук в карандаше. А когда закончилась моя стажировка в «Новом русском слове», он не потащил меня в посольство менять статус моей визы, не сделал никакого решительного мужского поступка, а лишь плакал в аэропорту. Он предлагал мне проверить наши чувства разлукой.

МИША: И ты, дурочка, купилась на эту удочку?

ЖЕНЯ: Еще как! Я хотела ему верить. Пару месяцев он звонил с регулярностью будильника Кашпировского, а потом пропал. Я стала разыскивать свой Ватман и через общих знакомых узнала, что он женился на

дочери известного диетолога Циле Слон. Я готова была лететь в Нью-Йорк, чтобы там его и порешить. Но оказалось, что боженька уже наказал его вместо меня. Цилия Слон при росте 160 сантиметров весила 138 килограмм.

МИША: И пусть постель им будет пухом...

ЖЕНЯ: Еще через полгода я ехала к друзьям в Вильнюс. На поезде. Напротив меня сидела интеллигентного вида старушка, разгадывала кроссворд, хмурилась, потом спросила у меня слово, которое не могла разгадать. Я подсказала. Подошло. Еще спросила. Еще подошло. Слово за слово она начала мне рассказывать, что была в гостях у сына Бориса, он телепродюсер, неженат(!!!). Короче, старушка явно вербовала меня в жены для сына. Мне было невероятно забавно. Я улыбалась, интересовалась ее "мальчиком"... Когда проводница принесла чай, бабушка прервалась, достала из сумки хлебец, протянула мне.

МАТЬ: Давай, я тебя угощу. А то ты пустой чай пьешь.

ЖЕНЯ: Ой, спасибо. А что это такое?

МАТЬ: Маца...

ЖЕНЯ: Старушка оскорбилась моей неосведомленности и с головой ушла в самостоятельное разгадывание кроссворда... Так не состоялось мое еврейское счастье в третий раз!

МИША: Ну, это не беда. В четвертый же раз оно состоялось!

ЖЕНЯ: В смысле?

МИША: Я давно хотел тебе признаться...

ЖЕНЯ: Слушаю тебя внематочно!

МИША: Даже не знаю, с чего начать...

ЖЕНЯ: У тебя кто-то есть?

МИША: Да, ну тебя! Я по бабушке еврей.

ЖЕНЯ: Что значит по бабушке? Если по бабушке, значит и по маме, а если и по маме, то значит и сам.

МИША: Выходит что так.

ЖЕНЯ: Что ты меня разыгрываешь?! Ну, разве может быть еврей с фамилией Пирожков?

МИША: Пирожков-то я по папе! А по маме – Бляблин. А по бабушке вообще Бляхер. Так что, как ни крути, а замуж ты все-таки вышла за еврея!

ЖЕНЯ: Врешь!

МИША: Почему же?

ЖЕНЯ: Да, ты же совсем на еврея не похож.

МИША: Что, красивый?

ЖЕНЯ: Тупой!

МИША: Ну, на тебе! А вчера еще считала, что умный.

ЖЕНЯ критически оглядывает мужа: Ну, может, и не умный, но для русского вполне даже образованный, а для еврея... И потом, как ты водку пьешь! А как ты в пьесах своих материшься!

МИША гордо: А это у меня от папы!

ЖЕНЯ: Ну, какой из тебя еврей? Ни слуха музыкального, ни языковых способностей...

МИША: Да, ты меньше меня русских слов знаешь! В трех соснах можешь заблудиться!

ЖЕНЯ: Я-то, слава богу, русская!

МИША: Нашла чем гордиться!

ЖЕНЯ: Ах, ты ксенофоб-мизантроп! Да я полная дура, что живу с тобой!

МИША: А с каким другим евреем ты хотела бы жить?

ЖЕНЯ: Блондинки с такой грудью должны доставаться приличным бизнесменам русского происхождения! А не программистам-очкарикам с драматургическим хобби!

МИША: Ишь чего захотела! Беги – ищи своего бизнесмена!

ЖЕНЯ сокрушается: Куда уже бежать, когда у нас с тобой два маленьких Пирожка растет?.. И потом, даже если ты еврей, что толку-то. Детям ведь с этого ничего не перепадет. Родство-то у евреев по материнской линии передается, а я ведь русская.

МИША: Нет, дорогая, на тебя не угодишь!

(Затемнение)

ИСТОРИЯ 5.

Демографический кризис

(через год)

Действующие лица:

ЖЕНЯ

ЛАРИСА

АНЯ

ЖЕНЯ: В этом году в моем маленьком мире случился демографический кризис. В нем стали умирать люди. По большей части это были друзья или знакомые. Неожиданно с ними стали происходить несчастные случаи, почти всегда приводившие к летальному исходу.

Вначале умерла моя стилистка. Парикмахер-визажист. Лариса. Я знала ее всего-то полгода. Но неожиданно взаимная симпатия толкнула нас друг к другу и мы стали почти что закадычными подругами. Она не просто стригла и красила мои волосы, она скороговоркой исповедовалась мне и просила, чтобы я написала повесть о ее жизни. Она сама придумала название.

ЛАРИСА: «Сильная женщина».

ЖЕНЯ: Ни больше, ни меньше. Я вполне всерьез подумывала над этой историей, как вдруг со стилисткой случился инфаркт, и ее жизнеописание осталось недосказанным.

Все произошло совершенно банально. Приближался мой день рождения. Очень хотелось умопомрачительную прическу и такой же макияж. Потому стилистка была приглашена на праздник. В качестве подарка она забомбила

мне феерическое шоу на голове. Все гости оценили. Наделали мне массу комплиментов, ну и ей, конечно, тоже. Совмещая приятное с полезным, мой парикмахер решила завести себе парочку новых клиентов, поэтому закончила свой тост в мою честь такими словами...

ЛАРИСА: ...Все оценили, как хороша сегодня именинница. Но никто кроме меня не знает, сколько трудов было вложено в этот мышинный хвост, прежде чем он превратился в роскошную прическу, и в это бледное после зимы и авитоминоза лицо, прежде чем оно стало личиком с глянцевой обложки...

ЖЕНЯ: Бумс. Инфаркт навсегда унес от меня стилистку в заоблачные дали. Как воспитанная дама, я, конечно, вместе со всеми подняла бокал. Но пока гости пили за мое здоровье, я поминала мою стилистку. «И пусть земля ей будет пухом», -- думала я, наблюдая какие па, она отплясывала с моими друзьями.

Потом тяжело заболела моя подруга Аннушка, литературный критик. Болезнь подкосила ее, когда вышла в свет новая книга моих стихов. Эта новость упала тяжелым грузом на сердце моей подруги, и тут же проявилась астма.

ЖЕНЯ: Дорогая, напиши рецензию на сборник для журнала «Молодая поросль».

АНЯ: Вряд ли прокатит. Тебе уже двадцать пять. Не девочка.

ЖЕНЯ с надеждой в голосе: Тогда, может быть, для газеты «Кризис среднего возраста»? У меня там много стихов о несчастной любви.

АНЯ вздыхает: Не выйдет. В «Возрасте» все прекрасно знают, что у тебя в жизни нет никакого кризиса, а твоя лирическая героиня просто обкурилась травы. Но книга хороша!

ЖЕНЯ: Тогда, может, для «Всемирной литературы» заметку тисканешь. Мол, так и так, вышла, дескать...

АНЯ: Ну, ты загнула! Не любят тебя там, не понимают... Прямо, и не знаю, что делать...

ЖЕНЯ: А ты напиши. Я сама куда-нибудь пристрою.

АНЯ: Да, болею я. Астма проклятая. Вот только, кхе-кхе-кхе, обострение пройдет, тогда...

ЖЕНЯ: Подруга потихоньку умирает. Я навещаю ее иногда. Зачем? Коварная штука – привычка.

Третьим умер Борис Голубь – мой шеф – главный – продюсер канала, где я работала еще прошлой весной. В начале он взял мне в пару вторую телеведущую, брюнетку чертову, а потом тихонько убрал меня из программы. Я что? Я не пропаду. Пишу сейчас для женского глянца. А вот он, бедняжка, умер от ХОБЛа. Хронической обструктивной болезни легких. И нечего было по две пачки в день выкуривать. Минздрав же предупреждал! Месяц назад скончались бывшие однокурсники. Неожиданно. Им на голову упал кирпич. В тот день состоялась встреча нашего институтского литературного объединения. Кто-то хвастал, кто-то плакался. Короче, никто особенно не выделялся. А тут я выложила на стол свою новую книгу в твердом переплете с золотым тиснением на обложке. И тишина. Оторвался с

потолка невидимый кирпич и бух на головы. Никто даже руку к книжке не успел протянуть. Никто и пару страниц не пролистал. Мгновенно. Летально. А жаль. Любовник мой умер от какой-то неизлечимой болезни. Я об этом узнала только, когда он не позвонил поздравить меня с Новым годом. Был человек – и нет. А ведь молодой красивый успешный мужчина. Казалось бы, жить и жить. Но нет. Спелся с моей соседкой сверху. И ладно бы красавица, и ладно бы моложе меня. Поняла бы. Так нет же: и старше, и страшнее. Два юриста чертовых. Специалисты, блин, по авторскому праву. Над общим делом, как оказалось, работали. Делом достижения оргазма. Владимир и Ольга. Вот, значит, какие коленца выкидывает с нами судьба. Мда... Не успела меня эта самая соседка сверху залить, как ей в ванну с горячей водой фен упал. И все. Каюк бабе. То-то она теперь с выпученными глазами по подъезду ходит. Видать и на том свете после таких травм морды не ровняют.

Короче не жизнь, а сплошной демографический кризис. То свекровь скончается, то мужа трамвай переедет, то у кота дизентерия с летальным исходом... Вот они последствия Чернобыля.

(Затемнение)

ИСТОРИЯ 6.

Смерть Хомяка

(Доподлинно известно – 2005! Самый конец)

Действующие лица:

ХОМЯКОВ

КОПЫТИН

ПРОНИН

Кабинет зав. лита Хомякова. Полуночные посиделки по поводу премьеры режиссера Пронина.

ПРОНИН: Это провал!

ХОМЯКОВ: Да брось ты! Зрители хлопали. И почти никто не ушел...

КОПЫТИН: Столько хороших режиссерских находок! И эти стеклянные слезы, и как газету жевали! Главное – ты ушел от бытового решения. Я найду за что похвалить. На то я и критик!

ПРОНИН: Комедия, на которой никто не смеялся - это провал.

ХОМЯКОВ: Публика дура!

КОПЫТИН: Правду глаголишь!

ПРОНИН: Черт с ним с залом! Я ведь и сам вижу, был успех или нет. В театре все жестко, как в тюрьме или песочнице детского сада. Ладно, артисты. Они заложники ситуации, они выходят на сцену и ловят эмоции. Но

даже когда самый последний театральный администратор здороваётся с тобой, ты сразу чувствуешь, был успех или нет.

ХОМЯКОВ: А я тебе сразу говорил: это плохая пьеса.

КОПЫТИН: Дурацкая! Нельзя было её брать. И актеры своей дрянной игрой все усугубили!

ПРОНИН: Да пошли вы!.. Надоели!

ХОМЯКОВ: А ты не кипятишься, Слава!

ПРОНИН: К черту, я сказал!

КОПЫТИН: В некотором роде это и не был провал. Этот город давно уже не поднимался до уровня театральных провалов.

ХОМЯКОВ: И потом режиссерское решение было новым, креативным.

Просто материал подкачал – весь – от пьесы до актеров.

КОПЫТИН: Наливай, Пронин! Талант не пропьешь!

ПРОНИН: Да пошел ты!

(выпивают, закусывают)

ХОМЯКОВ: А я давно тебе говорю: Слава, возьми мою пьесу! Надо ставить современных авторов. Аристофан протух, это уже не смешно.

КОПЫТИН: Ну, какую твою пьесу, Степан? Ну, о чем ты?

ХОМЯКОВ: Да хотя бы последнюю «Любовник Ко». Комедия, между прочим.

КОПЫТИН: Да, читал я. Любовник Ко, любовница Ду. Разве это смешно?

ХОМЯКОВ: Любовник Козел, а любовница Дура. Это же про сегодня и про всегда.

ПРОНИН: Она его балует. Он не дарит подарков. Она манипулирует, пытается заставить ревновать. Ему плевать. Скучнейшая мелодрама чистой воды. Вяло прописано. Бесконфликтно. Что здесь нового? Ссора в конце?

ХОМЯКОВ: А, по-моему, очень недурственно.

КОПЫТИН: Что недурственно?

ХОМЯКОВ: Ну, этот разговор, встреча... Довольно смешно, живенько.

ПРОНИН: Ты что? Это же сопли на пустом месте.

КОПЫТИН: Где проблемы, что держит зрителя? В чем конфликт героев?

ХОМЯКОВ: Она приехала к нему в одном платье, она надеется, что он купит ей второе и босоножки.

КОПЫТИН: С чего это ради?

ХОМЯКОВ: Он же ее любовник.

КОПЫТИН: И что?

ХОМЯКОВ: Мог бы оказывать знаки внимания. Она же дарит ему подарки!

КОПЫТИН: Кто хочет, тот и оказывает знаки внимания. Зачем она ему что-то дарит?

ХОМЯКОВ: Чтобы намекнуть, что она тоже хочет... Подарков с его стороны.

КОПЫТИН: Бартер? Так пусть обменяются купюрами.

ХОМЯКОВ: Нет, забота, внимание.

КОПЫТИН: Ну, не дарит. И ладно.

ХОМЯКОВ: А ей не ладно. Может, у нее на него планы.

КОПЫТИН: На такого козла?

ХОМЯКОВ: Ну, она же Ду.

КОПЫТИН: А в чем интрига?

ХОМЯКОВ: Он женат, у него двое детей. Она замужем, у нее ребенок

КОПЫТИН: И это интрига? Дешевая пошла интрижка. Шлюха в главной роли. Ну, кого этим уже удивишь?

ХОМЯКОВ: Она не шлюха. Она любви ищет. А он козел, жадина и подонок по отношению к своей семье.

КОПЫТИН: Ага.

ПРОНИН: Где перелом характера?

ХОМЯКОВ: Она ломает ему хребет лопатой.

КОПЫТИН: Очень смешно!

ХОМЯКОВ: Эта самая честная пьеса. Это действительно интересует людей. Новое платье интересует женщин больше, чем война в Чечне и теракты в Лондоне.

КОПЫТИН: А мужчин?

ХОМЯКОВ: А мужчин больше интересует ебля, чем война.

КОПЫТИН, воодушевляясь с каждой репликой: Ну, не знаю... Я все прочел. Все, что ты написал. По-моему, тебе остро не хватает драматизма. А это кальций для опорно-двигательной системы любой драматургии. Если кальция нет, она распадается, не движется. Ты, Хомяков, абсолютно гармоничный человек. И пьесы у тебя выходят аморфными, без движения, без действия. Драматургия - это искусство конфликта, разлома, разлада, раскола. Здесь люди схлестываются в жесточайших схватках; время ломает человека, а человек время. Здесь рушатся и сходятся целые пласты жизни, целые идеологии. Здесь вечно что-нибудь умирает в ужасных мучениях и возрождается вновь. А тут ты со своими платьями и босоножками! Ты что баба? Или гей?

ПРОНИН: А ты ведь, Хомяков, до сих пор не женат! А?

ХОМЯКОВ: Да, пошли вы оба! Сами неудачники!

ПРОНИН: Давайте выпьем за Копытинскую речь! Хорошо сказал!
(выпивают, закусывают)

КОПЫТИН: Тебе остро не хватает чувства конфликта. Ты - совершенство. В тебе нет ни сомнений, ни колебаний, ни противоречий. А настоящий драматург - это человек с заусенциями, кусающий ногти, нервный и конфликтный. В метафорическом смысле, конечно. Ищи в себе какой-то ноющий нерв, какой-то душевный разлом, либо признай, что твоя стихия - это чистая лирика, мир самосозерцания, самодовольства и самодостаточности.

ПРОНИН: Да, ладно. Если честно, то дело не в пьесах. Вся соль сегодняшнего успеха - пиар. А ты, Копытин, и без меня это знаешь!

КОПЫТИН: Пиар на пустом месте не возникает. Талант нужен.

ПРОНИН: Да, брось ты! На эстраду посмотри: где там талант? Там сплошной черный пиар!

КОПЫТИН: Эстрада - одно. Театр - другое. Театр всегда был искусством для избранных.

ХОМЯКОВ: Для избранных? Это Купрейчик избранный? Или Ломова? Или Пирожков?

КОПЫТИН: А что Купрейчик?

ХОМЯКОВ: А ничего. Пустое место. Бездарь!

ПРОНИН: Зато какой мастер самопиара! То с патриотическими лозунгами выступает, то с тоталитарным режимом борется, то уходит с подмостков навсегда, то рак предстательной железы симулирует, то возвращается, как второе пришествие.

ХОМЯКОВ: Терминатор драматургии. I'll be back.

ПРОНИН: И ведь пробился! И ведь на всех фестивалях международных засветился.

ХОМЯКОВ: А еще четыре года назад прыщавым юнцом ко мне приходил, коленки дрожали. А я уже тут десять лет завлитом сидел. А он тыкался, как слепой котенок, не знал, кому рукопись отдать. Ну, я взял, само собой. В обязанности входит. Сказал: позвоните через месяц, я пока занят. Не занят был, конечно. Но знал, что читать не буду. Таковы правила игры. Автор должен понять, кто в театре ху. И завлит – не последний человек.

КОПЫТИН: И что?

ХОМЯКОВ: Но эта наглая морда приперлась ко мне через две недели: прочитали, мол? Я вспылил, сказал, что он - бездарность, таких авторов – пруд пруди, к постановке я не рекомендую и послал его в... Москву. И он, сцуко, поехал!

ПРОНИН: Да, Купрейчик – парень не промах. Ему бы еще сейчас под свой бренд пару толковых негров нанять, чтобы пьесы нормальные писали, а он бы только продвигал. Тандем бы вышел замечательный.

КОПЫТИН: А Ломова чем берет?

ХОМЯКОВ: А Ломова – проститутка, наверняка, подмахивает режиссерам в такт фрикционным движениям!

КОПЫТИН: А Мишка Пирожков?

ПРОНИН: У него же жена журналист! Она его и пиарит постоянно! ...через знакомых.

ХОМЯКОВ: А Пирожков – вообще гермофродит-алкоголик, матершинник и чернушник.

КОПЫТИН: Ну, не скажи. Во-первых, Пирожков в Чечне был: он жизнь знает без прикрас. А, во-вторых, он же программист по профессии. У него и пьесы все такие четкие, математически выстроенные.

ХОМЯКОВ: Вот и занимался бы своим программированием! А-то всякие тут в писаки подались. Модно стало! Как тут нормальному драматургу пробиться, когда все уроды заплонили? Сегодня мода на уродов, а не на талант!

ПРОНИН: Тут понимаешь, не в таланте дело. Тут ход нужен. Режиссерский... в некотором роде.

ХОМЯКОВ: Не понимаю.

ПРОНИН: Ну, скажи мне, кто десять лет назад слышал про поэта Бориса Рыжего?

ХОМЯКОВ: Никто!

ПРОНИН: А вот повесился парень, оставил молодую жену с ребенком и сразу стал знаменит. Есенин повесился. Рыжий. Повеситься – это заявка, это серьезно. Все сразу возьмутся тебя ставить.

ХОМЯКОВ: Я не могу повеситься – это страшно.

ПРОНИН: Может таблеток?

КОПЫТИН: Не эффективно – могут спасти.

ПРОНИН: Вены вскрыть.

КОПЫТИН: Тоже бабушка надвое гадала.

ХОМЯКОВ: Да вы с ума сошли! Сами вешайтесь!

ПРОНИН – Копытину глубокомысленно: А что: ни ребенка, ни котенка, ни жены, ни любовницы? Настоящий одинокий хомяк. Повесился!..

КОПЫТИН: Хомяк повесился – это смешно. Это как мышь в холодильнике...

ПРОНИН: Да, Хомяк – это дохлый номер. Надо брать псевдоним! Решено!

ХОМЯКОВ: Что решено? У кого?

ПРОНИН: Однозначно, фамилия Хомяков не принесет славы. Надо брать псевдоним – Ларин, Каренин, Раскольников – что-нибудь из классики.

ХОМЯКОВ: А Пирожков как же?

ПРОНИН: Для недалекого матерщинника Пирожков – хорошо. Самое оно! Для серьезного драматурга – плохо. Если хочешь остаться в веках, сделай финт ушами.

КОПЫТИН: Давайте за это выпьем! За финт ушами!

(допивают последнее, закусывать уже нечем)

ХОМЯКОВ: Идите к лешему! Я не могу!

ПРОНИН: Не дрейфь! Что тебе терять? Ты уже почти лысый, а все еще ни денег, ни славы... Подумай, Хомяков!

КОПЫТИН: Еще по рюмочке. И мы тебе такую пиар-компанию придумаем!

ХОМЯКОВ: Да, пошли вы! Сами неудачники хреновы!

КОПЫТИН: Ну, это ты зря!

ПРОНИН: Ну, ты нас обижаешь!

ХОМЯКОВ: Да, ты, Слава, сам сегодня обосрался на премьере, а меня жить учишь!

КОПЫТИН: Ну, ты полегче, Хомяк. Не ссы на рану!

ПРОНИН: Да пошли вы!

ХОМЯКОВ: Ладно, парни. Идите за «Клинским», а то водка без пива – деньги на ветер.

КОПЫТИН: Пойдем, Слава, в ночник. Одна нога здесь – другая там. Тебе все равно сегодня проставляться – не проставиться.

ПРОНИН: На последнюю сотку кутим.

ХОМЯКОВ: А больше и не надо!

Копытин и Пронин уходят. Хомяков остается один.

Хомяков молча и деловито распечатывает титульные листы своих пьес с фамилией Каренин, заменяет их на всех рукописях, складывает ровной стопочкой на полу, снимает люстру с потолочного крюка, делает петлю, вешается...

Возвращается с добавкой режиссер. Следом за ним входит с закуской критик. ПРОНИН зажмуривается, молчит, открывает глаза: Ёлт твою мать! Пронин обходит повешенного. Пронин смотрит на Копытина, дрожит. КОПЫТИН осторожно прикрывает за собой дверь: Ну, что смотришь? Это же не я ему вешаться советовал, блядь. Это же ты у нас – гениальный пиарщик. Срежиссировал от души! Копытин поднимает стопку листов с пьесами Хомякова. КОПЫТИН: А Хомяк к делу серьезно отнесся. Андреем Карениным назвался, как ты и советовал. Все, блядь, по сценарию. ПРОНИН охрипшим голосом: Что будет теперь? КОПЫТИН жестко сплевывает: А ничего не будет. Одной бездарностью стало меньше. ПРОНИН: Бездарность, а все-таки – человек. Повесился... Ужас... И ведь пьесы-то его никто никогда не поставит. Неужели он не понимал? КОПЫТИН: Да, может, и понимал, потому и повесился... ПРОНИН: Как это? КОПЫТИН: Да, так. Зачем ему небо коптить, когда пьес он писать не умеет, а на другое не способен?.. ПРОНИН: Что же теперь в милицию звонить? Или скорую вызывать? КОПЫТИН: Какую, блядь, скорую? Труповозку! ПРОНИН тихо: Труповозку? КОПЫТИН: Да куда не надо звонить, блядь! Тихо, тихо, выходим. Никто нас не видел. Пусть завтра утром уборщица найдет. Хомяку-то уже все равно. А нас по инстанциям затаскают. ПРОНИН подавленно молчит. КОПЫТИН осторожно кладет пьесы Хомякова в свою сумку, достает носовой платок, стирает отпечатки пальцев со стаканов, дверных ручек и пр. предметов, выталкивает из кабинета Пронина: Давай-давай, через черный ход. Вахтер нас и не увидит.
(Затемнение)

ИСТОРИЯ 7.

Не лесбиянка! Просто женщина...

(через пять лет после исходного события. Событие основное)

Действующие лица:

ЖЕНЯ

ВИКТОРИЯ

ПРОНИН

БОРИС

МАРТА

ВЛАДИМИР

МАТЬ
ЛАРИСА
ХОМЯКОВ
КОПЫТИН

Квартира Жени и Миши. Вероятно, гостиная.

ЖЕНЯ: С Викторией я познакомилась по объявлению. В Интернете. Есть такие сайты знакомств... для сексуальных меньшинств. Почему меня туда занесло? Резонный вопрос. Не знаю, что и ответить. Все неизведанное манит. Как запретный плод в райском саду. Читала объявления, зевала, и вдруг одно как упадет ко мне на стол прямо с монитора.

ВИКТОРИЯ:

Окна настезь. И ты войдешь
На страницы моих блокнотов,
В поцелуи мои и в дождь,
Оброненный случайной нотой.

Окна настезь – на взмах, на взлет,
На разрыв горловых ущелий.
Из аорты фонтаном бьет
Перезвон соловьиной трели.

ЖЕНЯ: Пронзило. Вроде ничего особенного в нем не было: просто женщина ищет другую женщину для серьезных отношений, просто ищет вторую половинку (это я потом только осознала, что текст был написан в стихах). А вначале просто почувствовала: интересный человек скрывается за этим объявлением, открытый. Захотелось поговорить.

Кликнула на графу «е-мэйл» и черкнула пару строк: мол, гетеросексуальная особа, журналист, хочет пообщаться, сделать, как говорится, интервью.

Виктория откликнулась. Буквально на следующий же день.

Она пришла ко мне в гости. Выкурить рюмочку чаю. Красивая современная женщина. Очень успешная и счастливая на вид. В облегающих джинсах и белом гольфе. С деловой сумкой через плечо... С мелкими шрамами на лице и ладонях...

Разговор, конечно, склеился не сразу. Мы, как две кошки, обнюхивали друг друга наводящими вопросами.

* * *

ВИКТОРИЯ: А вы молоды...

ЖЕНЯ: Мне двадцать шесть.

ВИКТОРИЯ: Вас не пугает мой возраст?

ЖЕНЯ: Нет. А что?

ВИКТОРИЯ: Такая большая разница... Мне уже больше сорока.

ЖЕНЯ: Но какое это значение имеет для интервью?

ВИКТОРИЯ: Можно мы перейдем на «ты»?

ЖЕНЯ: Как скажете... Как хочешь...

ВИКТОРИЯ: Спасибо, мне так проще.

ЖЕНЯ: Хорошо.

ВИКТОРИЯ: Я не в твоём вкусе?

ЖЕНЯ: Какие глупости! Вы... Ты очень привлекательная женщина. И у меня были... Нет, конечно, не женщины. Но, в общем, я, правда, написала тебе по другой причине...

ВИКТОРИЯ: Ты снимаешь эту квартиру?

ЖЕНЯ: Нет, ее купил мой муж. После Чечни.

ВИКТОРИЯ: Ты не похожа на замужнюю женщину. А эта квартира на дом. Здесь все какое-то временное.

ЖЕНЯ: Ну, извини за беспорядок. Я не очень хорошая хозяйка.

ВИКТОРИЯ: Я о другом. Сама атмосфера.

ЖЕНЯ: Ну, мы не делаем ремонт, пока дети маленькие. Два мальчика. Близнецы. Павел – в честь моего старшего брата и Олег.

ВИКТОРИЯ: И где они?

ЖЕНЯ: В саду.

ВИКТОРИЯ: Ты, правда, замужем?

ЖЕНЯ: Видишь кольцо на руке?

ВИКТОРИЯ: Кольцо ничего не значит.

ЖЕНЯ: Ну, зачем мне тебе врать? Хочешь посмотреть на детские игрушки и мужские рубашки в шкафу?

ВИКТОРИЯ: Нет, прости. Я просто думала. Ну, я надеялась. Мне очень понравился твой голос по телефону.

ЖЕНЯ: Может, тогда поговорим?

ВИКТОРИЯ: Можно я буду курить?

ЖЕНЯ: Можно.

ЖЕНЯ аккуратно достает диктофон.

ВИКТОРИЯ болезненно морщится: Нет, только его здесь не хватало.

ЖЕНЯ: Как скажешь...

ВИКТОРИЯ: И блокнот убери. Мы же просто говорим?

ЖЕНЯ: Просто...

ВИКТОРИЯ: К тому же я слышала, что у журналистов прекрасная память.

ЖЕНЯ: Да, профессиональное...

* * *

ВИКТОРИЯ: Первый поцелуй у меня был с девчонкой. Вернее с девушкой. Она была лет на пять старше меня шестнадцатилетней. Мы отмечали мой день рождения. Шампанское ударило в голову. Танцевали. Постепенно все стали расходиться, а мы пошли в мою комнату. Нет, мы пошли не целоваться, а... Короче, я шепнула ей на ухо, что там, в спальне, под подушкой у меня спрятана от мамы бутылка ликера. Мы сели на диван. Откупорили бутылку, распивали ее из горла, закусывали шоколадом и... целовались. Как большие. Неожиданно без стука вошел мой старший брат.

БАРМЕН: Эй, девчонки, что это вы тут делаете?

ВИКТОРИЯ: Мы ужасно засмутились. Я вытолкала Наташу на улицу, спрятала в сумку недопитую бутылку и вызвалась ее провожать. У Наташи никого не было. Мы уютно устроились на диване и поцелуи продолжались,

пока я не стала расстегивать на ее блузке пуговицы. Это отрезвило мою подругу: «Баста, карапузики. Кончились танцы».

* * *

ЖЕНЯ: А что на твоём шестнадцатилетии не было мальчишек?

ВИКТОРИЯ: Никого, кроме брата.

ЖЕНЯ: Почему?

ВИКТОРИЯ: Разлад в моих отношениях с мужчинами ещё более давняя история. Я родилась в деревне, в Витебской области. Папа был сельским врачом, мама — учительница музыки. Вот такая гармоничная пара. Только они развелись, когда мне было три года. Папа уехал в Брянск, к себе на родину. Он навещал нас с братом иногда, звонил на дни рождения, присылал подарки. Мама никогда о нём плохо не говорила. Мы любили его болезненной любовью всех брошенных детей.

В детстве я дружила с мальчишками. Исключительно с ними. Брат был погодок. Я тянулась к нему, играла в войнушку, тягала девчонок за волосы. Так было, пока не пошла в школу. Там все выровнялось: девчоночьи тайны, но и мальчишки не были для меня чужим и незнакомым племенем, пока однажды...

Мне было тринадцать. Рослая, сформированная девочка. В нашей деревне все друг друга знали. Собственно три улицы и было. Ко мне подошел семнадцатилетний Славка Пронин.

ПРОНИН: Так и так, подруга, выручай. У меня на хате пацаны тусуются. Я им сказал, что сегодня познакомлю их со своей девчонкой. Ну, и пошел за ней. А она — стервоза — в город укатила. Теперь меня засмеют. Никто и не поверит, что у меня девчонка есть. А мне нужна хоть какая. Вот, ты, например, сыграй роль моей девчонки. Всего-то на час.

ВИКТОРИЯ: Так все же знают, что ты с Маринкой ходишь. А я малая ещё.

ПРОНИН: Кто знает? Не поверят мне дружбаны, засмеют. А ты уже и не такая малая, как прикидываешься.

ВИКТОРИЯ: Ладно.

(пауза)

ВИКТОРИЯ: Когда мы пришли к Славке, он лихорадочно начал закрывать двери и окна.

-- А где друзья? -- спросила я, паникуя.

ПРОНИН: Щас, погоди немного, придут. Усе буде добра. А ты пока выпей, на.

ВИКТОРИЯ: Он поставил на стол начатую бутылку чернил.

ВИКТОРИЯ: Да не пью я!

ПРОНИН: Тогда я.

ВИКТОРИЯ: Славка начал пить прямо из горла, обливаясь. Я рванула к двери. Она была заперта.

ПРОНИН: Куда ты? А уговор?

ВИКТОРИЯ: Не было у нас с тобой никакого уговора.

ПРОНИН: Не хорошо старших обманывать. Был уговор!

ВИКТОРИЯ: Славка начал рвать на мне одежду. Его качало от выпитого и от возбуждения. Я оттолкнула его, закричала и бросилась в окно. Закрытое. Вывалилась одним из осколков стекла на землю. Благо был первый этаж. Вся в крови прибежала домой. Мама мгновенно собралась звонить в милицию: -- Не надо, мамочка, я не переживу этого унижения дважды. Я не смогу никому об этом рассказать, -- я умоляла ее на коленях.

Через несколько месяцев мы уехали в Витебск. Мама нашла новую работу. А мы с братом продолжали учиться в школе. Мальчишек я стала бояться.

* * *

ВИКТОРИЯ: В девятнадцать лет мой брат решил жениться. С его невестой Мартой я поехала в Вильнюс за предсвадебными сувенирами, конфетами и туфлями. Мы сели на ночной поезд. А утром уже были в Вильнюсе. Собирались провести там два дня. В первый день накупили всего. Оставили вещи в камере хранения и пошли в привокзальное кафе. Решили посидеть там до закрытия, перекаптоваться ночь в зале ожидания, погулять на следующий день по Вильнюсу, докупить чего-нибудь и ехать домой. В кафе к нам подсели за столик двое мужчин. Местные. Слово за слово, вино за кофе. Они стали приглашать нас переночевать у них. Я была против. Марта уговаривала меня.

МАРТА: Ничего плохого не случится. Мы же вдвоем. Просто посидим у ребят, перекаптуемся.

ВИКТОРИЯ: Один из них позвонил домой.

БОРИС: Мама, готовь кушать. Девчонки в гости едут.

ВИКТОРИЯ: Это и усыпило бдительность. Мы приехали. Была отварена картошка, приготовлен салат, порезана колбаса. Правда, маму тут же отправили в спальню... и закрыли там. Мне было немного не по себе. Но общество расслабленной Марты успокаивало. Посидели, немного выпили. Хозяин квартиры стал целовать Марту, она смеялась. Его друг придвинулся ко мне.

ВИКТОРИЯ: Не трогай, мне еще восемнадцать нет.

ВЛАДИМИР: А на вид уже двадцать один.

МАРТА, вяло заступаясь: Да, отпусти ты ее.

ВЛАДИМИР: Не люблю, когда бабы из себя целок корчат!

ВИКТОРИЯ: ...и в глазах такая ненависть... А в руке нож. Кухонный, которым колбасу резали. Он полоснул меня по шее, точно погладил. И кровь на платье.

Не думаю, что я протрезвела, но путь к окну мне уже был знаком. Вернее, это был путь на балкон. Выскочила. Перемахнула через перила и вниз... «Второй этаж. Невысоко», -- пронеслось в голове. Я упала в снег. Был декабрь.

Босиком, в платице побежала в дом напротив. Кричала, плакала, звонила во все двери, поднимаясь по этажам. На четвертом мне открыли. Захлебываясь, попыталась что-то рассказать, но хозяйка вытолкнула меня со словами:

«Сами разбирайтесь. Мне только проблем не хватало». Открылась соседская дверь. Вызвали милицию. Я боялась, что с Мартой что-то случится. Правда, в квартире меня тоже не оставили.

Я пошла босиком по снегу, уходя от проклятого дома. Дождаться милиции не было сил. Это был шок. Только в другом квартале я осознала, что мне нестерпимо холодно и я в крови. Я тихонько побрела назад, коченея: ведь там осталась невеста моего брата. У подъезда на лавочке сидел хозяин квартиры и пил из бутылки водку. Увидел меня.

БОРИС: Тихо, тихо. Иди ко мне, дура. Нет там уже никого. Подруга твоя пошла тебя искать с козлом этим. Иди сюда, согреться надо. Мамка моя раны тебе перевяжет.

ВИКТОРИЯ: Я подошла.

БОРИС: Ну, милицию ты зачем вызывала? И с балкона сиганула, как ненормальная. Да, не хотел он тебя поранить. Пьяный просто был. Сам крови испугался.

ВИКТОРИЯ: А милиция что?

БОРИС: Да ничего. Подруге же твоей все нравилось. Она им сказала, что ты просто напилась, убежала и трезвонишь бестолку. Тебя-то не было же. И слава богу!

ВИКТОРИЯ: Его мать перевезала меня, напоила водкой и медом. Дала какую-то огромную мужскую куртку, растоптанные ботинки сорок пятого размера и сказала...

МАТЬ: Иди с богом, детка.

ВИКТОРИЯ: Бога в ту ночь было слишком мало. Я пошла по району искать свою подругу. Но ее нигде не было. Она ушла с моими вещами. Я даже не думала о том, как смогу добраться до дома: у Марты остались моя сумочка, деньги, билеты и документы. Я просто искала ее. Утром приехала на вокзал, села на скамейку и смотрела в пустоту. Марты не было. А когда она вдруг появилась, озабоченная, не выспавшаяся, показалась на другой стороне улицы, я бросилась к ней через дорогу, кишащую машинами, потеряв по пути один ботинок. «Дорогая, милая, дура», -- мы плакали и обнимались. И не было у меня в тот момент роднее человека. С ней все было в порядке. И это было главное. Она одела меня в мою одежду, вытерла слезы и мы пошли снова по магазинам. Я ходила за ней, как хвост. Я ничего не видела, кроме ее спины.

Мой брат на ней не женился. Вот и все. Я не знаю, как и с кем она сейчас живет. И не хотела бы ее увидеть.

* * *

ЖЕНЯ: А любовь? Первая, настоящая...

ВИКТОРИЯ: Мне было больше двадцати. На летней практике после четвертого курса я встретила девушку. Ларису. Я была счастлива оттого, что дышу с ней одним воздухом. Но когда дело дошло до близости, она не смогла...

ЛАРИСА: Вика, я не могу лишиться тебя девственности. Это должен сделать мужчина. Возможно, это твой единственный шанс стать нормальной, полюбить, выйти замуж.

ВИКТОРИЯ – Жене: Что такое стать нормальной?

ЖЕНЯ молчит.

ВИКТОРИЯ: Уже потом, после тридцати я обращалась в центр брака и семьи, психолог сказала, что может помочь мне научиться любить мужчин, если я этого сама страстно захочу. Я не хочу. Я другая. Другая женщина. Женщина, которой хорошо с женщинами.

Но тогда ради любимой я поклялась, что потеряю девственность с мужчиной, если ей нужна такая жертва. Она говорила, что это не жертва, это мое спасение. Но я хотела совсем другого спасения. Разве то, чего мы не желаем, то чему мы противимся, может быть нам благом?

Лето закончилось. Закончилась и практика. Мы учились с Ларисой в разных городах. Разъехались, обещали писать друг другу и звонить, обещали встретиться после зимней сессии.

Меня сделал женщиной мой сокурник Степан Хомяков, осенью, на последнем курсе. Все было, как я и обещала Ларисе. Только больше. Оргазма не получилось, отношения не склеились, но я забеременела. От одного единственного раза. Я сказала ему. Степан выпучил глаза и судорожно тряс головой...

ХОМЯКОВ: Э-э, это твои проблемы. Я тут не при чем.

ВИКТОРИЯ: Он был ни при чем. Я сделала два вакуума, а в итоге все равно пошла на аборт. Эта жизнь не хотела меня покидать. Многие годы потом я раскаивалась, что не дала жизнь человеку. Не дала, хотя, наверное, должна была. Но уже я не хочу детей. Отболело. Притупилось. К боли, даже самой сильной, можно привыкнуть.

С Ларисой мы встретились после зимней последней сессии. И любили друг друга, отмывая все наши грехи. Прошлые, настоящие и будущие. Через год она вышла замуж за хорошего парня. Через два родила ему мальчика...

Мишку. Красивый парень. Но бесбашенный. Институт бросил. Два года в Чечне отрубил. По контракту. Два огнестрельных ранения. Контузия. Выжил, слава богу. Но какие-то там проблемы были с краткосрочной памятью. Вроде и не амнезия. Что-то другое. Ларочка его по врачам таскала. Ума хватило в вузе восстановиться. Программистом сейчас работает. Женился. Мы иногда переписываемся с Ларисой. Она присылает фотографии. Интернет. Все стало просто.

ЖЕНЯ: У тебя были длительные связи?

ВИКТОРИЯ: Да. Их было четыре. Каждая длилась по несколько лет. Ольга была юристом. С ней мы прожили вместе целых восемь! Соседи ненавидели меня, прятали от нас своих детей, не здоровались, даже встречаясь в лифте. Однажды соседка пригрозила мне, что подожжет квартиру, отравит меня (уж не знаю, как) или разрежет на лоскутки и развесит тело на деревьях по всему району, если я не сменю квартиру. Тогда я впервые обратилась в милицию. Преследования закончились. Но взгляды, сверлящие спину, продолжались. Я сдалась через год. Мы обменяли квартиру и уехали в другой район. Из-за своей ориентации я часто меняла работу. Нет, никогда не афишировала, не было у меня служебных романов, просто как-то просачивались слухи, кто-то узнавал, что я живу с женщиной, и все... Паритет заканчивался. Я становилась изгоем.

За последние десять лет научилась тому, что друзей на работе нет, не будет и быть не должно. Только коллеги. И знать о твоей личной жизни никто не должен. Ни в коем случае. Иначе она превращается в чужих руках в оружие против тебя.

ЖЕНЯ: Мама и брат знают?

ВИКТОРИЯ: Догадываются. Но мы никогда вслух не говорили об этом. Я приезжала к маме в гости с Ольгой, называя ее просто подругой... Брат (он у меня виртуозный бармен) смешивал нам какие-то сумасшедшие коктейли и понимающе улыбался...

ЖЕНЯ: У тебя есть гетеросексуальные подруги?

ВИКТОРИЯ: Есть. Их немного. Но, по-моему, они до сих пор относятся к моей жизни как к чему-то временному. Полгода назад я познакомилась в театре с мужчиной. Импозантный такой. Театральный критик Копытин. Предложила ему жить вместе. Подруги ликовали. Они твердили в один голос: «Вот ты и нашла свое счастье»... Он знал о моей ориентации. Но сказал, что с его опытом и нежностью не составит труда сделать из меня гетеросексуальную женщину. Мы прожили вместе две недели, готовясь к самому ответственному моменту. Потом настала ночь любви. Мой друг так и не смог возбудиться.

-- Это не страшно, -- сказала я ему. -- Есть много способов доставить женщине удовольствие.

КОПЫТИН: Я не лесбиянка, чтобы языком работать!

ВИКТОРИЯ: Он брезгливо оттолкнул меня.

На следующий день мы расстались. А я еще долго думала: зачем мне нужен мужчина, который приходит в мою квартиру, на мои деньги, может меня оттолкнуть, но не может доставить мне удовольствие?

(Затемнение)

CONCLUSION (от автора)

Это не сказка и не басня, в которой обязательно должна быть мораль. Это просто одна история. История невидимой войны всех со всеми и против всех. Войны, в которой нет победителей, потому что все побежденные...

Единственное, что мне хочется сказать в конце: просто подойдите сейчас к близкому человеку и обнимите его... за прошлое, в настоящем, ради будущего.

КОНЕЦ

2003 – 13.12.2006 г.

*Диана Балыко
www.dia-blo.net
Латвийская Республика
LV-1050 г.Рига*

ул. Гоголя, 7-7
т. Латвия +371 277 22 830
т. Беларусь +375 29 573 3929
т. Россия +7 917 510 5171
e-mail: diana@dia-blo.net, gentledi@tut.by